

НАДСИТУАТИВНАЯ АКТИВНОСТЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Ламзин Сергей Алексеевич,

доктор пед. наук, профессор кафедры иностранных языков,

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

 slamsin@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена обучению иностранным языкам в ситуациях с неадаптивной активностью, или другими словами, с надситуативной активностью субъекта. Такая активность образует ядро развивающейся личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *адаптивность, неадаптивная активность, надситуативная активность*

OVER-SITUATIONAL ACTIVITY IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Lamzin S. A.,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Foreign Languages Chair

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of teaching foreign languages in situations of non-adaptive activity, or in other words, of over-situational activity of the learner. This activity forms the kernel of the developing personality.

KEYWORDS: *adaptability, non-adaptive activity, over-situational activity*

Познание связано с приспособлением к окружающей среде, с адаптацией.

В основе эмпирической психологии лежит некоторая предпосылка, которая имеет характер постулата. Эта предпосылка может быть сформулирована как «постулат сообразности».

Согласно словарю В.Даля, термин «сообразность» означает «соответствие чего-то чему-то». В данном случае — соответствие, сообразность всех психологических проявлений, входящих в деятельность, предустановленной цели [4].

Считается, что человек изначально имеет стремление к «внутренней цели». В соответствии с этой целью организуются все проявления его активности.

По существу речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих действий. Понятия «адаптивность», «адаптивная направленность» трактуются при этом в широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивидуума к природной среде (решающие задачу сохранения жизни и физической целостности), но и процессы адаптации к социальной среде. Индивид ведет себя в соответствии с требованиями, ожиданиями нормами, которые предъявляются со стороны общества.

В этом случае адаптация представляет собой реализацию его имеющихся предметных ориентаций: удовлетворение потребности (которая стимулировала его поведение), достижение поставленной цели, решение исходной задачи и т. д.

Говоря об адаптации, В. А. Петровский имеет в виду также и процессы самоприспособления, саморегуляцию.

Независимо от того, приспособливает ли индивид себя к миру или подчиняет мир своим исходным интересам, он отстаивает себя перед миром. Человек противостоит миру в тех своих проявлениях, которые в нем уже были, есть и которые постепенно

обнаруживаются и образуют основу многообразных явлений активности человека. Таким образом, под адаптацией ученый понимает 1) тенденцию субъекта к реализации и воспроизведению в деятельности устремлений, которые имеются у него, 2) направленность на осуществление таких действий, целесообразность которых была подтверждена предшествующим опытом. Когда речь идет об адаптации, адаптивной направленности, предусматривается также тот случай, когда человек может заранее и не зная, к чему именно, к какому предметному эффекту приведет его действие. Тем не менее индивид может действовать адаптивно, если заранее известно, к чему он стремится «для себя», что ему может дать достигнутый результат. Поэтому адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными». Адаптивными их делает наличие ответа на вопрос «зачем?» [4; см. также: 2; 3; 5; 6].

Смысл постулата сообразности заключается не только и не столько в том, что индивидуум в каждый момент времени «хочет сделать что-то», то есть что он «устремлен» к какой-либо цели. Смысл этого постулата в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно определить ту большую Цель, которая, в конечном счете, движет его поведением, какими бы противоречивыми и неразумными ни были стремления людей [4].

Жизненные ориентации субъекта могут быть противоречивыми. Речь должна идти не о жесткой соподчиненности интересов с выделением главного интереса и ряда подчиненных, а лишь о временном доминировании и коалиционности «частных» интересов. Под коалиционностью при этом понимается относительная независимость интересов друг от друга, взаимореализуемость, а также возможность возникновения противоречивых отношений между ними.

Поведение человека не может быть сведено к проявлениям какого-либо одного, пусть даже фундаментального, жизненного отношения [4].

Для пояснения дальнейших рассуждений приведем два примера из практики обучения иностранным языкам. Для развития иноязычной речи на практических занятиях используется наглядность.

Обучаемым может быть дано задание — описать картинку (рис. 1 и рис. 2).

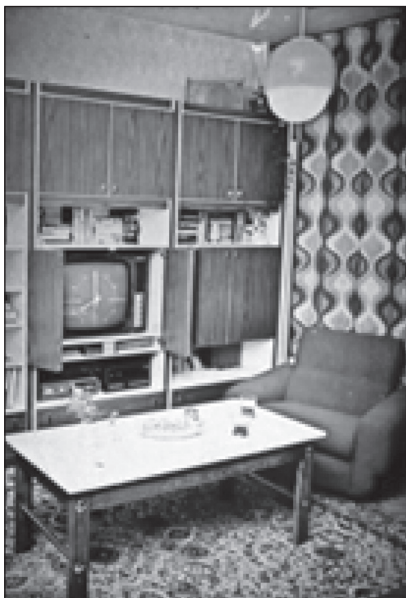

Рис. 1

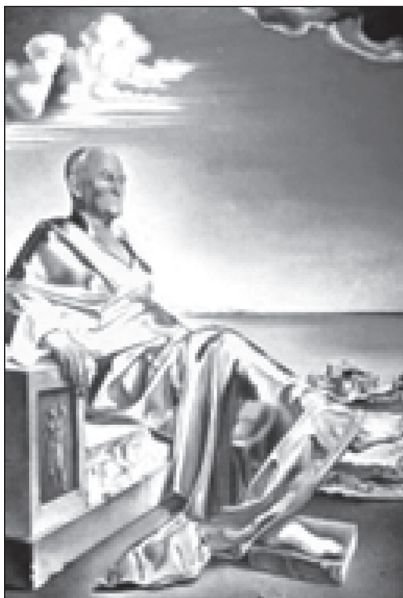

Рис.2

На рис. 1 обучаемые расскажут, что и где находится. Они будут использовать соответствующий изучаемый учебный материал (лексический и грамматический). Но при описании второй картинке такой подход будет недостаточным. Можно расска-

зять, что какой-то человек сидит на троне. Его одежда — красивая. Но не это является содержанием картины. Естественным образом возникают вопросы, а что это за человек — философ, царь, бывший военачальник? О чем он размышляет? Но это на картине никак не отражено. Ответить на эти вопросы можно, если только выйти за пределы объективно данной ситуации (картины).

При восприятии человеком чего-либо психологи выделяют в образе восприятия три слоя.

Первый слой — «чувственные впечатления»: ощущения, доставляемые органами чувств и образующие то, что иногда называют «чувственной тканью сознания». Второй слой — это «значения», которые приписываются воспринимаемому объекту. Третий слой — «смыслы», определяющие место воспринимаемого объекта в человеческой деятельности, и даже шире — в его жизни. Восприятие есть такой процесс чувственного отражения действительности, в ходе которого индивидуум не только приобретает те или иные чувственные данные, но и осмысливает (в частности, оценивает) их. Восприятие никогда не есть только синтез ощущений, это еще и понимание, выявление личного отношения к воспринимаемому. Необходимым условием полноценного восприятия является соотнесение чувственных впечатлений с некоторым эталоном, подведение их под определенную категорию (категоризация) [4].

И здесь (как при описании рис. 2) возможны различные отклонения от простого целенаправленного действия, что связано с неадаптивным поведением.

Своеобразие отклонений от действия постулата сообразности в поведении человека, как поясняет Петровский В. А., заключается в следующем. В ситуациях производственного и социального взаимодействия случаи неадаптивности являются моментом общественного развития. Такое развитие в отличие

от процессов простого воспроизводства наличного уровня общественного бытия может быть понято как его *расширенное воспроизводство*.

Тогда бесчисленные и многообразные проявления неадаптивности отдельных индивидуумов в своей совокупности могут быть поняты как одно из условий восходящего движения индивидуального и общественного целого.

Научное и художественное творчество, искусство, воспитание, новаторство в производстве — все это различные формы проявлений неадаптивности в деятельности человека. Вообще прогресс в сфере культуры и во всех сферах человеческой жизни в значительной мере обязан готовности и склонности людей к «неприспособительному» поведению [4].

В данной статье мы будем говорить только об одном значении понятия «неадаптивность» — о понятии «созидание». Такое представление о неадаптивности Петровский В. А. называет широким.

С другой стороны, человека могут притягивать опасность, неопределенность успеха, неизведанное. Его действия в данном направлении будут носить неадаптивный характер. Этот класс проявлений активности — неадаптивная активность в узком смысле слова.

По мнению А. Н. Леонтьева, «Личность как «специально человеческое образование <...> не может быть выведена из приспособительной деятельности».

Часть явлений неадаптивности, которые соотносятся с созиданием и творчеством, связаны с феноменами роста и развития возможностей человека. В этом последнем случае, анализируя проявления неадаптивности, В. А. Петровский, говорит о *надситуативной активности* субъекта. Она образует ядро развивающейся личности. Эта высшая форма активности может быть понята лишь в контексте анализа деятельности — как момент ее собственного движения и развития [4].

При анализе деятельности исходным ученый считает представление об активности как движении, которое характеризует деятельность и неотделимо от нее. При этом активным называется такой процесс, существование которого находится в прямой зависимости от субъекта. Это — процессы инициации («запуска») деятельности, ее осуществления, контроля над ее динамикой и т. д. Активность, следовательно, может быть определена как совокупность обусловленных индивидуумом моментов движения деятельности.

В. А. Петровский дает следующую характеристику активности: «Активность есть динамическая образующая деятельности». Рассматривая деятельность в ее становлении, нужно необходимым образом признать существование таких изменений, которые вносятся субъектом в систему его отношений с миром. Эти изменения выступают в виде основы новой возникающей деятельности. Особенность этих процессов заключается в том, что начало свое они берут в самом субъекте и порождены им. Но их форма определяется независимыми от субъекта предметными отношениями.

Активность как динамическая сторона деятельности не исчерпывается лишь процессами её (активности) протекания, то есть такими процессами, в которых разворачиваются уже накопленные в опыте субъекта (или присвоенные им) структуры деятельности. К явлениям активности следует также отнести и то, что было обозначено А. Н. Леонтьевым как «внутрисистемные переходы» в деятельности («сдвиг мотива на цель», превращение исходной деятельности в действие, реализующее отношения более развитой формы деятельности, и т. п.). В этих переходах осуществляется развитие деятельности [4].

Активность есть расширенное воспроизводство деятельности. В самом общем плане расширенное воспроизводство деятельности может быть определено как процесс обогащения мотивов,

целей и средств исходной деятельности, а также психического образа, опосредствующего её протекание. Развитие деятельности выражается в углублении ее мотивов, возвышении целей, улучшении используемых средств, совершенствовании психического образа. Новые и предшествующие моменты деятельности — несимметричны. Так, новый мотив деятельности как бы вырастает из предшествующего и содержит его в себе в виде необходимой, но не исчерпывающей его части. Достижение первоначально принятой цели необходимо, но еще недостаточно для достижения вновь поставленной цели. Формирующийся психический образ ситуации не только содержит в себе тот образ, на базе которого регулировалась исходная деятельность, но и превосходит его [4].

Сказанное позволяет исследователю следующим образом охарактеризовать связь активности и деятельности в пределах единого определения.

Активность есть совокупность обусловленных индивидуумом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности.

Моменты осуществления деятельности и моменты прогрессивного ее движения выступают как стороны единого целого. «При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» (Леонтьев А. Н.).

Так, противостоящая индивидууму «вещь» еще не есть непосредственно предмет его деятельности. Ее превращение в «предмет» опосредствовано особой активностью индивидуума, осуществляющей акт подобного «опредмечивания». И, наконец, видоизменение деятельности предполагает момент преодоления ее исходной предметности. Ведь деятельность рассматривается

как развивающаяся, выходящая за свои собственные пределы. Но это преодоление не осуществляется автоматически, а требует борьбы с установками, сложившимися в предшествующих предметных условиях. Все эти процессы могут быть объединены единым термином «целеполагание» [4].

Целеполагание понимается здесь как формирование индивидуумом предметной основы деятельности, которая ему требуется: ее мотивов, целей, задач. Понятие «целеполагание» шире созвучного ему понятия «целеобразование». Последнее охватывает процессы постановки субъектом «целей» в обычном смысле этого слова — как осознанных ориентиров дальнейших действий, а целеполагание означает формирование исходной основы будущих проявлений активности,

Целенаправленность — момент осуществления деятельности, целеполагание — момент движения (собственной динамики) деятельности. Целеполагающая активность должна быть понята как внутренняя характеристика деятельности, как деятельность, выступающая в особом аспекте — со стороны собственного становления, развития, видоизменения. Такой аспект анализа В. А. Петровский называет диахроническим. Целенаправленность активности характеризует деятельность уже в другом аспекте ее анализа — синхроническом, а именно, в аспекте осуществления деятельности.

Целенаправленная активность реализует наличную потребность индивидуума, в то время как целеполагающая активность порождает новую его потребность. Оба свойства (целеполагание и целенаправленность) не уступают друг другу по своей значимости в общей картине деятельности [4]. При описании Рис.2, когда обучаемый ограничивается только внешним описанием, цель является достигнутой лишь формально.

Но когда цель деятельности достигнута, то возникает вопрос — а что за нею? В. А. Петровский утверждает, что индиви-

дуум продолжает действовать; но теперь он действует как бы над порогом того, что требуется, или, — над порогом ситуативной необходимости.

Вследствие осуществления деятельности преобразуется жизненная ситуация субъекта, меняется круг его возможностей, его предметное и социальное окружение.

Он вовлекает в свою сферу новые элементы действительности. Осваиваются новые возможности, порожденные в уже осуществленном акте деятельности.

Оба вида процессов характеризуют деятельность. Но первые суть процессы осуществления деятельности, вторые — самодвижения деятельности. В первом случае, следовательно, сознание должно быть понято как опережающее деятельность, во втором, наоборот, как производное от деятельности.

Перед нами, таким образом, имеет место непрерывная актуализация потенциальных свойств человека, 1) содержащихся во внешних и внутренних условиях, 2) характеризующих как самого индивидуума, так и его предметно-социальное окружение.

Построение или актуализация возможных моделей будущего на основе данных о прошлом и настоящем объекта познания представляет собой мысленное прогнозирование. Прогнозирование есть всегда построение проблематического знания. В сознании прогнозирующего субъекта имеется также альтернативный вариант рассматриваемого объекта. В случае предвидения будущей деятельности актуализируемое или конструируемое знание (модель будущего) всегда имеет более или менее условный характер, ибо любое подлинное знание динамики деятельности заключает в себе также и знание принципиальной неполноты этого знания, невозможности жесткого и однозначного предсказания [4].

Признав неадаптивность человеческой деятельности в её различных проявлениях, следует признать существенно неадаптивный характер личности.

Парадокс состоит в том, что субъект, желая обрести и утвердить себя, должен сказать «да» неадаптивности. Неадаптивность выступит как деятельность, в которой субъект обретет себя.

Фундаментальным признаком человеческой деятельности является то, что она не только реализует исходные жизненные отношения субъекта, но и порождает новые жизненные отношения; раскрывает свою несводимость к первоначальным зафиксированным жизненным ориентациям за счет включения «надситуативных» моментов.

В. А. Петровский формулирует принцип, противостоящий постулату сообразности и подчеркивающий активную, относительно независимую от задач адаптации, направленность деятельности человека — «принцип надситуативной активности». Согласно этому принципу, субъект, действуя в направлении реализации исходных отношений его деятельности, выходит за рамки этих отношений, и, в конечном счете, преобразует их. Производство действий над порогом ситуативной необходимости дает нам начальную характеристику активности как момента прогрессивного движения деятельности.

Исходным для введения термина «надситуативность» было данное выше определение активности личности как «действия над порогом ситуативной необходимости». Если принять, что «ситуативная необходимость» — это обязательность совершения действий, обеспечивающих адаптацию, то, соответственно, «надситуативность» — это совершение действий, избыточных с точки зрения функции приспособления (не играет роли, чем эти действия вызваны).

Идея «избыточности» может быть выражена и по-другому. Можно сказать, что надситуативные действия самоценны. Они совершаются «для себя» [4].

Здесь можно упомянуть об интринсивной (Х.Хекхаузен) — внутренней — мотивации действия. Можно подчеркнуть, что

для Х. Хекхаузена «интринсивность» есть *способ описания* мотивации.

Х. Хекхаузен выделяет шесть способов понимания интринсивной мотивации. Мы бы отметили следующие.

- *Свобода от цели.* Интринсивная мотивация описывается в таких терминах, как «самоцельность». «Интринсивно мотивированными являются только такие действия, которые осуществляются только ради протекания самой деятельности».
- *Самоутверждение.* Здесь главное — стремление быть причиной собственных действий (таков руководящий принцип, пронизывающий различные мотивы).

При этом можно подчеркнуть, что неадаптивность витальных, предметных, коммуникативных и когнитивных действий возникает внутри *адаптивной* стратегии целеполагания (то есть тогда, когда человек преследует, как ему кажется, исключительно достижимые цели, когда он убежден в том, что действует наверняка).

- *Радостная поглощенность действием.* «Интринсивная мотивация означает в данном случае, что человек с радостью отдается данному делу, что он полностью погружен в переживание продвигающегося вперед действия. Ценность переживания здесь не в том, что Я выступает как причина действия, а в том, что так переживается само действие, процесс активности. Это — *радость от активности.*

Интринсивность, равно как и надситуативность, характеризует действие в его самоценности, не-инструментальности по отношению к требованиям ситуации (за которыми можно было бы видеть стремление получить вознаграждение или избежать наказания). Речь идет не только о том, что индивидуум независим в своей активности от внешних санкций. Он не ощущает своей подверженности контролю со стороны «внутренних санкций».

В связи с тем, что изучение иностранного языка и формирование иноязычной способности связаны с проявлением и развитием обучаемыми своих творческих способностей, учебный процесс предполагает широкое использование творческих (креативных) проблемных ситуаций. Творческие (креативные) проблемы и ситуации характеризуются следующим.

1. Креативная проблема не предписывается как императивное задание и вообще не может быть изначально дана как готовая. Субъект не имеет по отношению к ней никаких заранее заданных указаний, которые подводили бы проблемы под какую-либо концепцию, теорию, систему знания, программу или парадигму, как бы широко последняя ни была.
2. Креативная проблема (творческий замысел) есть нечто большее, чем просто «проблема», «задача», «вопрос», в которых не содержится первоначального процесса зарождения, становления проблемы как общекультурной. Она выступает как *пред-задача*, или *пред-проблема*. Своими корнями она уходит в нераспредмечиваемые, запороговые слои действительности и для своего восприятия и принятия требует столь же запороговых слоев бытия самого субъекта, и поэтому предстает как загадочная и даже таинственная. Было бы даже правильнее сказать, что собственная креативная проблема есть не проблема, но большей степени энigmatическая (*творчески-проблемная*) ситуация, которая лишь впоследствии порождает проблему [1]. ■

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батищев Г. С.* Познание и творчество // Теория познания. В. 4 т. Т.2. Социально-культурная природа познания / Под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. — М.: Мысль, 1971. — С.136-170.

2. *Денисов М. К.* Система методической терминологии: проблемы и перспективы // Особенности профессиональной деятельности преподавателей иностранного и русского языков в неязыковых специализированных вузах. Сборник материалов межрегионального научно-практического семинара. 2015. С.13-20.
3. *Денисов М. К.* Специфика формирования межкультурной компетенции в профессиональной подготовке современного учителя иностранного языка // Романо-германская филология. Достижения и перспективы обучения иностранным языкам в новом столетии. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2019. с.50-61.
4. *Петровский В. А.* Человек над ситуацией. — М.: Смысл, 2010. -559 с.
5. *Плюхина Г. А.* К вопросу активизации резервных возможностей человека [текст] // Совершенствование форм и методов обучения иностранным языкам: материалы всероссийской научно-практической конференции. — Рязань: РВВДКУ, 2020. — С. 217-221.
6. *Плюхина Г. А.* Реализация использования средств информационных и коммуникационных технологий на практических занятиях по дисциплине «Практикум по культуре речевого общения» [текст] // Романо-германская филология. Достижения и перспективы обучения иностранным языкам в новом столетии (часть третья): Материалы второй итоговой Всероссийской научно-методической конференции (20 мая 2017 года) - Рязань: РВВДКУ, 2017. — С.71-81.